

О военной науке и войне

Полковник в отставке В.В. БАБИЧ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается вопрос о необходимости определенной перестройки отечественной военной науки как по форме, так и по содержанию, особенно в теории управления войсками, теории боевых возможностей войск, теории моделирования боевых действий и вооруженной борьбы в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, военная наука, военная политика, вооруженная борьба, вооруженная агрессия, теория войны и мира.

SUMMARY. The question of the need for some adjustment of domestic military science, in both form and content, especially in the theory of controlling troops, the theory of combat capabilities of troops, the modelling theory of hostilities and armed struggle as a whole.

KEYWORDS (TAGS): war, military science, military policy, armed struggle, armed aggression, the theory of war and peace.



БАБИЧ Владимир Викторович родился 9 декабря 1946 года в городе Самарканде УзССР. В 1965 году окончил Суворовское военное училище, в 1968 — Рязанское воздушно-десантное командное училище. Служил в ВДВ, прошел все ступени от командира взвода до начальника штаба полка. В 1979 году с отличием окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1982 года — на преподавательской работе, службу закончил в должности заместителя начальника кафедры РВДКУ. В настоящее время — преподаватель военной кафедры РГРТУ.

ИНТЕРЕСЫ совершенствования системы национальной безопасности РФ требуют решения ряда проблем в различных областях деятельности государства, в том числе в области военной безопасности. Это в полной мере относится и к российской военной науке (ВН), которая призвана и далее быть существенным

фактором военной политики России.

Не секрет, что наша военная наука переживает далеко не лучшие времена, хотя следует, на наш взгляд, воздержаться от таких оценок ее состояния, как «кризис» и «тупик». Но в любом случае российская военно-научная мысль нуждается в качественном продвижении вперед. С этой точки зрения, видимо, справедлива постановка вопроса о необходимости обновления и совершенствования не только содержания российской ВН, но и ее структуры. Полагаем, существенное значение в этом деле имеет четкое определение ее роли и места в ряду других общественных (как сейчас принято говорить — гуманитарных) наук. По этой проблеме в журнале «Военная Мысль» появилась отличная «информация к размышлению» — статья генерал-майора в отставке И.С. Даниленко «От прикладной военной науки — к системной науке о войне»¹. Опубликованный материал очень интересен и в чем-то даже оригинален, однако и не бесспорный, что вынуждает нас вступить в заочную дискуссию с уважаемым Игнатом Семеновичем.

Считаем, что нет необходимости дополнительно обосновывать крайнюю актуальность формирования «системной науки о войне», но насчет ее названия имеется иное мнение, ибо это далеко не малозначающий фактор. На наш взгляд, при решении задачи формирования такой науки нам никак не обойтись без взвешенного учета имеющегося богатейшего опыта, в первую очередь — советского. Ведь во времена Советского Союза существовала не просто наука о войне, а *наука о войне и мире* (хотя такое понятие тогда не употреблялось). Она представляла пусть и монополизированную коммунистической партией

¹ Военная Мысль. 2008. № 10. С. 23—32; № 11. С. 18—27.

(а потому соответствующим образом идеологизированную), однако все же **стройную систему знаний, взглядов и выводов по вопросам как вооруженной защиты государственных интересов СССР, так и предотвращения войны.** Пройгнорировать эту систему — значит что-то потерять из бесценного опыта советской военной школы, а затем «открывать Америку» и таким образом расточительно тратить время и нашу научную «энергию».

При таком, далеко не новом, но рациональном подходе мы не можем согласиться с толкованием Игнатом Семеновичем структуры советской военной науки, который полагает (точнее — преподносит как факт), что «фундаментальная общественно-смысловая часть, представленная марксистско-ленинским учением о войне и армии»², являлась частью советской военной науки. Но это совсем не так, потому что не военная наука, а, напротив, советская наука, как совокупность многих наук, теорий и учений, включала в себя в том числе марксистско-ленинское учение о войне и мире, о войне и армии и конечно же военную науку. Причем первые два учения (теории) однозначно понимались как части учения об обществе. Они были непосредственно завязаны на коренные философские, идеологические, экономические, социально-политические и другие положения марксизма-ленинизма, а их предметами изучения были актуальные проблемы войны как общественно-политического явления в межгосударственных и межклассовых отношениях, соотношения мира и войны, предотвращения войны, особенно мировой ракетно-ядерной, а на завершающем этапе существования мировой социалистической системы — принципы и задачи мирного сосуществования двух систем³. Таким образом, в зону ответственности данных учений входили и война, и мир как определенные состояния социума.

А военная наука по советским канонам представляла собой относительно самостоятельную и не менее стройную систему знаний о характере и законах войны, подготовке Вооруженных Сил и страны в целом к войне и особенно к ее важнейшей составляющей — вооруженной борьбе (ВБ). Поэтому основным предметом военной науки являлась именно ВБ с ее сущностью, содержанием, формами и способами ведения. Отсюда и соответствующая структура, составные части этой науки⁴.

Важно заметить, что краеугольным камнем во взаимосвязи двух вышеупомянутых учений (теорий) и военной науки являлось положение о том, что **марксистско-ленинское учение о войне и армии составляет методологическую основу советской военной теории и практики**, а марксистско-ленинское учение о войне и мире — методологическую основу для разработки внешнеполитической программы КПСС. Для нас совершенно очевидно подчиненное положение военной науки относительно указанных учений (теорий), составляющих ее методологическую основу. И мы с полным основанием можем резюмировать, что названные два учения и военная наука фактически и составляли науку о войне и мире (а не «науку о войне» — по взглядам И.С. Даниленко). По-другому и быть не может, ведь проблемы мира и войны, как определенных состояний межгосударственных отношений, взаимосвязаны и взаимообусловлены уже потому, что война является продолжением политики, которая проводилась государством в мирное время, но с применением сил и средств вооруженного насилия.

Считаем необходимым особо подчеркнуть: упомянутые два марксистско-ленинских учения и играли роль той «общей теории войны и мира» (как ее справедливо называет уважаемый Игнат Семенович), которую и предстоит сформировать российским ученым, но уже на основе принципиально новых мировоззренческих, политических и иных реалий и подходов. Таким образом, **выявление истинной структуры, по сути, советской «науки о войне и мире» содержит в себе важный методологический посыл, подсказку в работе по формированию уже российской науки о войне и мире.** В ином случае будем друг друга только запутывать и утверждать, что «советская наука могла претендовать на статус системной науки о войне»⁵. Скажем прямо, такой проблемы никогда

² Военная Мысль. 2008. № 10. С. 26.

³ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. С. 426, 427.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Военная Мысль. 2008. № 10. С. 26.

не было, а главное, на такой статус военная наука никак не могла претендовать ни по формальным, ни по базисным общенаучным основаниям.

С формально-юридической точки зрения действовало незыблемое положение о КПСС как о единственной и монопольной руководящей и направляющей силе буквально во всем и уж тем более в области военной политики государства, военного дела и военной науки. Поэтому сама попытка заговорить об изменении статуса (т. е. места и роли) советской военной науки, не говоря уже о том, чтобы поставить ее выше марксистско-ленинских учений, являлась бы в то время антиконституционной. С общенаучной же точки зрения мы не имеем права упустить из виду ту очевидную истину, что **политику государства предопределяют его осознанные и сформулированные национальные интересы**. Эти, по сути своей, высшие интересы диктуют в том числе и соответствующую политику в области их вооруженной защиты, т. е. военную политику. При формулировании национальных интересов политическая элита страны в лице государственного руководства, лидеров ведущих политических сил (партий) опирается на общефилософские, политические, экономические и другие официально принятые теории, принципы, доктрины, а также на знание реального положения дел в той или иной области и, конечно же, на личные убеждения и опыт.

Применительно к СССР необходимо отметить, что в условиях абсолютной несовместимости главных и конечных интересов двух антагонистических социально-политических систем (коммунистической и капиталистической) и проистекавших из этого остроконфронтационных отношений основное содержание военной политики Советского Союза составляла подготовка к отражению вооруженной агрессии со стороны «загнивающего и близкого к своему крушению и исчезновению» лагеря капитализма, т. е. подготовка к войне практически со всем миром (в том числе, как ни странно, с мощнейшим социалистическим на тот период Китаем). Элита СССР в лице Политбюро ЦК КПСС, абсолютно монопольного выразителя национальных интересов страны, четко указывала на источники и характер угроз (военных — не в последнюю очередь) для нашей державы во второй половине XX века и называла потенциального и наиболее вероятного противника в возможной войне — военно-политический блок НАТО во главе с США. Именно такого рода идеологические и политические обоснования и установки с объективной закономерностью предопределяли задачи и действия в области советского военного строительства, а для военной науки — в области ее основного предмета исследования: вооруженной борьбы, ее ожидаемого масштаба и характера.

В конечном счете нельзя не видеть, что в советской системе знаний о войне и мире (именно — и мире) оказывается все находилось на своих местах и в органичном единстве: и «лошадь», и «телега» (воспользуемся терминологией Игната Семеновича). Из этого следует для нас еще один методологический посыл: при формировании обновленной российской науки о войне и мире (а в ее рамках — обновленной военной науки) отпадает необходимость заниматься решением проблемы замены местами, как считает уважаемый Игнат Семенович, упомянутых «объектов». А вот что крайне необходимо и актуально, так это **формирование принципиально новой общей теории войны и мира, которая относительно военной науки как раз и будет являться фундаментальной общественно-смысловой частью**. Конечно же, за этим должен стоять, как справедливо указал И.С. Даниленко, «комплекс философских, политологических, политэкономических, социологических и других исследований войны как общественного явления»⁶. Из этого вытекает очередной методологический и некоторым образом практический посыл: осуществление данного комплекса исследований войны как общественного явления должно стать уделом не военных ученых, а всего гуманитарного сектора Российской академии наук при самом активном участии и ВН. Если будет наоборот, тогда задачи и предмет исследований, за которые ответственна военная наука, просто растворятся в вышеупомянутом комплексе, что крайне пагубно скажется на и так не очень благополучном состоянии российской военной науки.

Уточнив место и роль советской военной науки в системе знаний о войне и мире, мы вынуждены задаться вопросом: почему же в настоящее время вышеу-

⁶ Военная Мысль. 2008. № 11. С. 26.

казанное соотношение (субординация) политики, идеологии и военной науки является якобы неприемлемым (как это видно из статьи И.С. Даниленко)?! Для чего же тогда нужны были титанические усилия российского государственно-политического руководства (кстати, работавшего в тесном контакте с военными учеными) по формированию Концепции национальной безопасности РФ и производной из нее — Военной доктрины? Видимо, в том числе и для того, чтобы определить вектор и некоторые новые ориентиры для нашей военной науки. У нас вызывает недоумение видение уважаемым ученым в качестве одного из неперенных путей развития российской военной науки (а точнее, по его мнению, вывода из кризиса и тупика) полной ее независимости от государственной политики и идеологии. Он считает, что «трансформация военной науки в подлинную науку о войне возможна только при ее независимом статусе, хотя бы от жесткого диктата политики и идеологии»⁷.

Мы, конечно, поддерживаем автора в том, как он искренне ратует за трансформированную военную науку. Однако **претворение в жизнь его тезиса о независимом статусе военной науки выльется в то, что такая «трансформация» будет в конечном счете осуществлена для нее же, для науки, а не для удовлетворения осознанных, обоснованных и определенным образом сформулированных национальных интересов государства.** Считаем такой подход к совершенствованию и развитию военной науки нереальным в условиях существования государства с его национальными интересами и в конечном счете — непродуктивным. Если мы хотим увести нашу военную науку в область свободного, ничем не обусловленного «прожектирования», например космических войн с инопланетянами, тогда да, надо добиваться освобождения военной науки от жесткого диктата политики и идеологии государства, чтобы она стала, как говорит И.С. Даниленко, «самостоятельной наукой о войне»⁸. Но ведь на то она и политика государства (с ее философско-мировоззренческой, идеологической и другими сторонами), чтобы выработать цель; на то она и наука, чтобы выявлять и глубоко обосновывать необходимые силы, средства и способы достижения этой цели (либо аргументированно доказывать нереальность выданных политикой целевых установок). И как бы кто-то ни огорчался и не возражал, **военная наука ввиду специфики своей области исследований всегда была и будет в определенной мере «апологетикой военной политики»** (пользуясь терминологией уважаемого И.С. Даниленко).

Мы не думаем, что в настоящее время положение о том, что «содержание и направленность военной науки зависят от военной политики и военной доктрины»⁹, безнадежно устарело. Заметим, что, конечно же, при всем при этом сама военная наука не является относительно политики абсолютно пассивной. Однако если политику государства будет диктовать свободная наука о войне, на практике это неизбежно будет означать диктат государственных, как сейчас говорят, силовых структур, что, в свою очередь, может привести к войне. А такой путь никак не отвечает коренным национальным интересам России, интересам устройства прочной государственности, создания высокоэффективной экономики, процветания общества и каждой личности.

Говоря о месте и роли военной науки в военной политике, нельзя проигнорировать тот факт, что именно эффективная политика Советского Союза (при конструктивной роли военной науки) во второй половине XX века не оставила военно-политическим кругам США и НАТО никаких, даже призрачных надежд на возможность достижения успеха в подготавливавшейся ими войне против СССР. Потому противостояние военных группировок так и не переросло в вооруженную борьбу. Началась так называемая **холодная война, которая представляла собой комплексную бескомпромиссную борьбу с применением с обеих сторон экономических, дипломатических, политических, идеологических, информационных и других невоенных средств, сил и способов.** Вооруженные же силы двух сторон, к счастью, друг против друга практически не применялись. Советская политико-экономическая система, к сожалению, рухнула, причем без использования сил, средств и способов вооруженного насилия, т. е. без вооруженной борьбы. И, как ни странно, в крушении СССР не то что нет доли

⁷ Военная Мысль. 2008. № 11. С. 26.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Военный энциклопедический словарь. Воениздат, 1989. С. 137.

вины советской военной науки (а такую долю Игнат Семенович усмотрел), но даже есть некая скрытая ее заслуга, потому как исчезновение Советского Союза с политической карты мира произошло без настоящей войны. Значит, принцип (заповедь) «хочешь сохранить мир — готовься к войне» был эффективно претворен в жизнь, причем не без помощи достаточно эффективной советской военно-научной мысли. Ее плодами мы продолжаем пользоваться до сих пор (хотя определенный застой в военной теории очевиден).

Феномен и отличительная особенность холодной войны, этой затяжной (полувековой) комплексной борьбы, как раз и заключаются в отсутствии в ходе нее вооруженной борьбы. Именно этим холодная война отличается от полноценной «горячей». И как тут не согласиться с уважаемым И. С. Даниленко по поводу того, что холодная война велась с «конкретными геополитическими целями, с отвечающими особенностям этой войны стратегией, оперативным искусством и тактикой»¹⁰. Но истины ради полагаем, что следовало бы уточнить — со стратегией, оперативным искусством и тактикой именно борьбы (а не войны) в сферах: экономической, дипломатической, политической, идеологической, информационной, т. е. во всех, кроме военной. По сути, эта самая холодная война явилась всеобъемлющей невооруженной борьбой на взаимное изматывание и в конечном счете на проверку жизнеспособности каждого из противостоящих лагерей. Социалистический лагерь во главе с СССР такой длительной проверки, к сожалению, не выдержал.

При таком подходе к пониманию сущности и содержания холодной войны мы не можем согласиться с тезисом уважаемого ученого о том, что на нынешнем этапе своего эволюционирования (развития и изменения) война может во всей своей полноте вестись и без вооруженной борьбы, приобретая тем самым характер «нетрадиционной». При всем при этом такая война, якобы, имеет такие же последствия, как и традиционная. В ней, как утверждает автор, достигаются в том числе и «военные цели» (используя терминологию И. С. Даниленко), т. е., по всей видимости, наносятся невосполнимые потери личному составу противника, уничтожаются (разрушаются) военные, экономические объекты, инфраструктура страны, дезорганизуется система государственного и военного управления, образуются районы пожаров, затоплений, зоны заражения от ОМП и т. п. Заметим и повторим — и это все без вооруженной борьбы. А если еще будто бы эти самые нетрадиционные войны «мимикрируют под мир», то картина нынешней нашей жизни не внушает никакого оптимизма.

Такое эволюционирование войны (а вернее будет сказать — такое понимание данного объективного процесса), кроме всего прочего, в научном плане просто стирает всякие более-менее четкие грани между состояниями войны и мира в межгосударственных отношениях, а в практическом плане сводит на нет какие-либо перспективы в борьбе за сохранение и укрепление мира. Что-то подобное уже вытекало из марксистско-ленинской теории классовой борьбы. А главное, такое понимание с объективной неизбежностью подталкивает нас к выводу: России, как и раньше, предстоит жить в условиях перманентной, ни на минуту не прекращающейся «нетрадиционной войны», и тут уже не до налаживания партнерских отношений с другими государствами, ведь вокруг сплошь враги и противники. Между прочим, тогда становится понятен вывод уважаемого И. С. Даниленко о том, что Советский Союз, якобы, пережил третью мировую войну, которая и вызвала его разрушение.

По нашему глубокому убеждению, со строго научных позиций следует понимать, что война без вооруженной борьбы — вовсе не война в полном смысле этого понятия. И это подтверждается целым рядом современных войн: США против Ирака и Югославии, агрессия Грузии против Южной Осетии и др. Обратим внимание на то, что не такая уж далекая (и тем ценная для нас) советская военно-научная мысль в данном вопросе занимала четкую и ясную позицию — в войне, как в специфическом явлении и процессе, сочетаются, тесно взаимосвязаны и переплетены самые различные формы борьбы: экономическая, дипломатическая, идеологическая, вооруженная и др. При этом вооруженная борьба составляет специфическое содержание войны¹¹ и придает ей сущностную однозначность и определенность.

¹⁰ Военная Мысль. 2008. № 10. С. 30.

¹¹ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат. 1986. С. 151, 157.

По своей сущности война понималась как «насквозь политика». Таковой она продолжает оставаться и поныне. А поэтому нам непонятно, на основании чего уважаемый И.С. Даниленко утверждает, что советская военная наука под сущностью войны понимала «процесс массовой вооруженной борьбы»¹². Как может являться сущностью предмета, явления или процесса то, что составляет часть его содержания?! Сущность и содержание — это ведь разные философские категории, хоть и взаимообусловленные. Если содержанием является нечто явное, которое себя обнаруживает через составляющие части, структурные элементы, то сущность — это нечто неявное, скрытое, но многократно и системно проявляющееся через функционирование содержания. Это, безусловно, относится и к содержанию и сущности войны. Мы предлагаем через свои базовые, общеполитологические знания и убеждения не опускать волей-неволей советскую военную науку до уровня чуть ли не лженауки. В данном случае следовало бы, на наш взгляд, говорить не о сущности, а о содержании и о том, что советская военная наука отводила массовой вооруженной борьбе, как элементу содержания войны, если не абсолютизированную роль по отношению к другим формам борьбы, то уж, несомненно, преувеличенную. Это бросается в глаза особенно в свете последних современных войн, особенно войны США против Югославии (1999).

Сущность войны как политики, а точнее, как продолжения политики мирного времени, но уже с применением сил, средств и способов вооруженного насилия как раз и проявляется через вооруженную борьбу, эту характерную часть содержания войны. Вспомним ту же войну в Южной Осетии (2008), что ей предшествовало (со стороны Грузии) и что последовало.

Да, действительно, продолжают оставаться такие понятия, как «холодная война», «экономическая война», «дипломатическая война», «информационная война» и т. п. Особенно активно их употребляют представители СМИ и разного рода политологи, ведь по роду профессиональной деятельности им приходится прибегать к ярким, хлестким, эмоционально окрашенным выражениям. Но со строго научных позиций полагаем, что в таких ситуациях следует вести речь все-таки об экономической борьбе (в каком-то конкретном случае — конфликте), дипломатической и других видах борьбы без вооруженного насилия, но не о войне.

Означает ли все вышеизложенное наше несогласие с мыслью о том, что война как общественно-политическое явление не стоит на месте в своем содержании, а эволюционирует вместе с социумом, приобретая в том числе качества и очертания нетрадиционных войн? Ни в коем случае. Но у нас иное понимание сути и причин «нетрадиционности» современных войн, которые ввиду состояния наших Вооруженных Сил оказались для нас нетрадиционными, а для нашего вероятного противника — уже опробованными и современными. В отличие от доктора философских наук И.С. Даниленко, полагающего, что **главным признаком нетрадиционной войны** является необходимость ведения в ходе нее вооруженной борьбы, мы считаем, что в этом вопросе **главным является существенное изменение места, роли и соотношения различных форм борьбы в рамках современной войны**. Достаточно упомянуть хотя бы о такой форме, как информационная борьба. Вооруженный конфликт в Южной Осетии (август 2008) ярко показал возрастание влияния этой борьбы на ход и исход вооруженного противоборства и на итоги войны в целом. Опыт, в первую очередь армии США, свидетельствует, что качественное развитие сил и средств информационной борьбы, совершенствование организационных форм и способов ее ведения в ходе войны дали возможность окончательно отделить информационную борьбу от идеологической (при всей сохраняющейся их взаимообусловленности).

В наших рассуждениях о признаках и чертах современных войн, все больше и больше приобретающих характер «нетрадиционных», мы не можем не упомянуть о радиоэлектронной борьбе (РЭБ). Как подтверждает опыт ведения современных войн и вооруженных конфликтов (особенно США против Югославии), РЭБ окончательно вышла за рамки одного из видов боевого обеспечения. А именно так она трактуется нашей военно-научной мыслью. Разработанные потенциальным противником новейшие системы электромагнитного

¹² Военная Мысль. 2008. № 10. С. 26.

оружия (например, типа НРМВ, НААРР) резко усилили его возможности не только по подавлению, но и по поражению радиоэлектронных систем управления войсками, или, как выражаются специалисты, усилили наступательную составляющую РЭБ. Можно предположить, что недалеко то время, когда РЭБ станет самостоятельной формой борьбы в рамках войны, т. е. перестанет быть элементом, частью содержания только вооруженной борьбы (как сейчас). Это, конечно же, добавит еще больше «нетрадиционности» в войны XXI века.

Волей-неволей мы выходим на содержание вооруженной борьбы, на роль и соотношение применяемых в ходе нее традиционных сил и средств и принципиально новых, суперсовременных систем поражения. Именно с этой позиции, полагаем, следует воспринимать тезис уважаемого И.С. Даниленко о «массовой вооруженной борьбе». Будем надеяться, что реформаторские меры по приданию нашей армии нового облика позволят, если потребует военно-политическая обстановка (необходимость), уйти от «массового» подхода к решению задач вооруженной борьбы.

В этих и в некоторых других вопросах нынешняя российская военная наука не то чтобы молчала, но должной активности и настойчивости, по нашему мнению, не смогла проявить. Этому есть, конечно, причины и объективного, и субъективного порядка, как и тому, что наше военное строительство до недавних пор было ориентировано на сохранение «традиционной» массовой армии.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что и сама военная наука нуждается в определенной перестройке, развитии как по форме, так и по содержанию. Мы, например, полагаем, что придется в качественном сдвиге теории управления войсками, необходимо сформировать более современную, обновленную теорию боевых возможностей войск и в немалой степени связанную с ней теорию моделирования боевых действий и вооруженной борьбы в целом. В общем, актуальных для нашей военной науки проблем достаточно.

В заключение наших полемических соображений нам хотелось бы заострить внимание коллег на том, что нам (а молодым ученым в особенности) **следует более аккуратно и вдумчиво относиться к переосмыслению и освоению богатейшего российского (в том числе советского) фундаментального военно-теоретического наследия** чтобы потом не приходилось возвращаться к классическим основам и канонам, а то и «изобретать велосипед». И как тут не согласиться с мнением доктора военных наук А.А. Синикова: «Для упрочения авторитета военной науки очень важно соотносить ее фундаментальную, методологическую составляющую с теми компонентами, которые давно уже перестали быть предметом спора в научном сообществе»¹³. Нам действительно есть о чем поспорить и помимо этого.

¹³ Военная Мысль. 2009. № 2. С. 72.